

Г. СЕНКЕВИЧ И Н. ГОГОЛЬ (проблема эстетического идеала)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 20.

УДК821.161.1 – 82.091

Шошура С. Г. Сенкевич і М. Гоголь (проблема естетичного ідеалу), 12 с., кількість бібліографічних джерел – 11; мова російська.

Анотація. У статті розглядається питання про традиції повісті М.Гоголя “Тарас Бульба” при відтворенні естетичного ідеалу в романі “Вогнем і мечем” польського письменника Г.Сенкевича. Визначені такі форми використання ним художнього досвіду Гоголя, як повторення схожих ситуацій, подальший розвиток деяких аспектів естетичного ідеалу, а також полеміка з його розумінням Гоголем.

Ключові слова: художній досвід, естетичний ідеал, еволюція, полеміка, тенденційність, художня правда.

Summary. The article focuses on Gogol’s “Taras Bulba” traditions dealing with the problem of aesthetic ideal in H. Sienkiewicz’s novel “By fire and sword”.

Such forms of Gogol’s artistic experience as repetition of analogous situations, evolution of aesthetic ideal’s in some aspects and polemics with Gogol about its interpretation are also included.

Key words: artistic experience, aesthetical ideal, evolution, polemics, tendentious, artistic truth.

Вопрос об отношении выдающегося польского писателя Генрика Сенкевича к творчеству Н. В. Гоголя привлекал и до сих пор привлекает внимание исследователей [1, с.34-35; 2, с.79-84; 3, с. 210-212]. Тем не менее данная проблема, по нашему мнению, нуждается в дальнейшей разработке. Предлагаемое рассмотрение, как в первой части трилогии Г. Сенкевича, историческом романе «Огнем и мечом», нашли отражение традиции повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»* при воссоздании эстетического идеала**, – один из возможных путей ее дальнейшего изучения.

Объективной предпосылкой к воплощению в обоих произведениях эстетического идеала в прямой форме через образы персонажей, по мнению современных исследователей [5, с. 81; 6, II, с. 547], была неудовлетворенность писателей жизнью современного им общества. Ей они противопоставили иную, более совершенную жизнь своих сограждан, которую нашли в историческом прошлом. При этом, если, передавая события одной и той же исторической эпохи, завершившейся в XVII столетии, эстетический идеал Н. В. Гоголя в «Тарасе Бульбе» проявился при изображении украинского казачества, то в романе Г. Сенкевича он дает о себе знать в образах представителей польской шляхты и прежде всего таких, как например, Ян Скшетуский, Лонгинус Подбиятка, Михал Володыёвский.

Конкретное его проявление можно видеть при раскрытии в поведении действующих лиц произведений общественной грани эстетического идеала. В повести Гоголя она ощущается в передаче автором приверженности Тараса Бульбы и его соратников православной христианской вере, защите родной земли и уз товарищества. И герои Сенкевича также защищают общественные ценности, правда, в ином варианте. У них – это идея государственности, понимаемая как защита Речи Посполитой, а также христианская вера в ее католическом варианте. При этом защита своих национальных ценностей как

проявление грани эстетического идеала и в повести Гоголя, и в романе Сенкевича раскрывается в двух формах. С одной стороны, это речи персонажей, имеющие идеологический характер. Таковы, например, у Гоголя слова Тараса Бульбы о чувстве товарищества среди украинского казачества или же предсмертные слова Мосия Шило, «старейшего годами во всем запорожском войске» Касьяна Бовдюга, куренного атамана Кукубенко о православной вере и родной земле. С другой стороны, эти слова находят свое подтверждение в многочисленных примерах проявленной персонажами воинской доблести. Сходное, но не буквальное с гоголевским, раскрытие обеих форм общественной грани эстетического идеала можно наблюдать в «Огнем и мечом». Каждый из любимых героев Сенкевича передает их по-своему. Скажем, у Яна Скшетуского идеологический момент особенно ярко проявляется в его словесном споре с Богданом Хмельницким о праве последнего на выступление против Речи Посполитой. Подтверждением того, что идеологические выступления героя не расходятся с его делами, является рассказ писателя о многочисленных военных подвигах Скшетуского. По-иному в сравнении со Скшетуским общественная грань эстетического идеала проявляется у Лонгинуса Подбиятки. Идеологизм его речей, в передаче автора, сказывается в особой религиозности персонажа и многократном, что порою надоедает даже его друзьям, упоминании о выполнении обета – срубить одним взмахом меча головы трех врагов. Чтобы его осуществить, Лонгинус Подбиятка готов даже на время отказаться от устройства своей семейной жизни. А он немолод, но еще не женат. Такое проявление идеологизма речей героя придает им да и самому персонажу порою комическую окраску. Тем не менее в ответственный момент поведение Подбиятки приобретает у автора возвышенный характер. Как известно, после неудачной попытки прорваться из осажденного украинскими и татарскими войсками Збаража он погибает героической смертью.

Свой оттенок в авторское представление об общественной грани эстетического идеала привносит в роман и образ-характер третьего героя – Михала Володыёвского. Особенность выражения идеологизма позиции Володыёвского состоит в том, что она лишена того возвышенного и осознанного характера, который присущ двум другим персонажам. «Володыёвский, отменный воин и офицер, – пишет о нем автор, – ни на грош, однако, не имел той серьезности, какую в Скшетуском, например, воспитали страдания и беды. Долг свой перед Речью Посполитой он понимал просто: бил, кого приказывали, и о прочем не задумывался и в политику не вникал...» [7, II, с. 425]. Но такое, казалось бы, приземленное понимание своего общественного долга отнюдь не мешает Володыёвскому многократно подтверждать его поступками. В изображении их также сказывается своеобразие авторского замысла, так как согласно ему Володыёвский обладает непревзойденным мастерством владения саблей, но при этом имеет неказистую внешность (он маленького роста), что часто вводило его противников в заблуждение, считавших того легкой добычей и осознававших, что это не так, слишком поздно. С точки зрения интересующей нас проблемы образ-характер Володыёвского интересен еще и тем, что именно в нем получила отражение та особенность эстетического идеала, на которую обратили внимание литературоведы при анализе «Тараса Бульбы» [8, с. 125]. Суть ее состоит в том, что некоторые персонажи повести Гоголя, раскрывающие представление писателя об эстетическом идеале, далеко не всегда проявляют свои личные качества как положительные. Так, рассказывая о куренном атамане Балабане, автор говорит о его участии в грабеже турецких городов. Отнюдь не идеальным выглядит и Мусий Шило, запятнавший себя пьянством и уличенный в воровстве. И все же в повести они остаются положительными героями, выразителями авторского эстетического идеала, потому что по замыслу Гоголя их воинская доблесть перекрывает все их личные недостатки. Именно в таком ракурсе показан и Михал Володыёвский. Давая ему характеристику, Сенкевич упоминает и о том, что «...был то повеса и ветреник, который, попав в столичную круговерть, по уши в ней погряз...» [7, II, с. 425]. И по мере развития сюжета романа автор не однажды упоминает о приключениях и «подвигах» Володыёвского со своим приятелем Заглобой не только на поле брани. Тем не менее, как и упомянутые персонажи Гоголя, он остается в памяти читателей как герой, образец для подражания. Его многократно проявленная воинская отвага в передаче автора с лихвой компенсирует некоторые его сомнительные качества.

Но как бы ни было важно изображение и в гоголевской повести, и в романе Сенкевича значения общественного начала в жизни персонажей и форм его проявления, этим понимание особенностей эстетического идеала в обоих произведениях не исчерпывается. Думается, есть основание говорить о гоголевских традициях и тогда, когда авторы в поведении своих героев передают и личный

момент, определяющий индивидуальность, автономность их жизни. Ведь только одновременное существование в человеческой жизни общественного и личного начал придает ей полноту, помогает избежать ущербности. Однако на вопрос о возможности реализации этих начал авторы судьбами своих героев дают разные ответы. Казалось бы, образом-характером Тараса Бульбы Гоголь дает утвердительный ответ на этот вопрос. Принимая активное участие в национально-освободительной борьбе своего народа, герой имеет жену, двух сыновей, которых по-своему любит и гордится ими. Однако сфера личной жизни играет у гоголевского героя все же подчиненную роль. Семейная жизнь тяготит Тараса, жена нужна ему, чтобы не угас его род, а дети для того, чтобы из них вырастить защитников родной земли. «Тарас, – характеризует автор своего героя, – был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава» [9, II, с.42]. Однако подчиненную роль личной жизни у гоголевского героя не следует понимать как проявление душевной черствости, ущербности Тараса Бульбы. Если бы это было так, то при дальнейшем развитии сюжета повести автор не показывал бы отцовские чувства своего героя, которые приобретают трагическую окраску в сцене его самосуда над младшим сыном Андрием за измену и в эпизоде казни поляками старшего сына Остапа, во время которой присутствовал Тарас Бульба. Думается, вернее всего эту особенность изображения личной сферы жизни героя можно объяснить своеобразием исторической эпохи, в которую происходят описываемые события, ее драматизмом, что наложило отпечаток на человеческие отношения. Следствием ее, как известно, является изображение в повести Гоголя гибели не только сыновей, но и самого главного героя, Тараса Бульбы. Применительно к затронутому нами вопросу – о гоголевской традиции в сфере эстетического идеала – с известной долей осторожности можно говорить о передаче Гоголем мысли о невозможности в описываемую им историческую эпоху реализации, а тем более гармоничного сочетания общественного и личного начал в человеческой жизни.

Есть основание полагать, что и этот художественный опыт Н.В. Гоголя Г. Сенкевич учел при воплощении эстетического идеала в романе через образы-характеры своих любимых героев. Однако его использование проявилось в форме полемики с автором «Тараса Бульбы». Суть ее, как нам представляется, состоит в том, что на примере судьбы некоторых из своих персонажей Сенкевич, в отличие от Гоголя, утверждает не только возможность, но и реализацию личного начала. Так, на протяжении сюжета «Огнем и мечом» пытается обрести личное счастье Михал Володыёвский. И такую возможность автор ему предоставляет, правда, не в этом, а в заключительном романе трилогии. И все же наиболее полно авторская мысль, придавшая роману оптимистическое звучание, получает воплощение через образ Яна Скшетуского.

Именно этому персонажу автор уделяет особое внимание, о чем свидетельствует повествование о его судьбе с первой и до последних страниц романа, чем подтверждается важная роль персонажа в художественной структуре произведения. Уже начало романа, рассказывающее о взаимоотношениях Яна Скшетуского и его друзей с молодыми паночками в Варшаве, куда они прибывают по делам службы, можно воспринимать как выражение мысли автора о возможности обретения личного счастья даже в суровых условиях той исторической эпохи, о которой повествуется в произведении. На последующих страницах романа она находит подтверждение в сообщении о женитьбе сослуживцев Скшетуского. Правда, герой Сенкевича останавливает свой выбор на Елене Курцевич, и, чтобы добиться ее руки, ему приходится преодолевать немало препятствий, главное из которых – его соперник, украинский казак Иван Богун. И если все же Скшетуским они оказываются преодоленными, то такому исходу судьбы героя автор дает убедительное объяснение. Так, рассказывая о том, как при первой встрече молодых людей их руки соединяет ловчая птица – кречет, автор, передал мысль о том, что возникшее у них чувство взаимного интереса и симпатии – это предзнаменование свыше. В дальнейшем чувства героев, их взаимное влечение друг к другу получают дополнительную мотивировку. В то время как Иван Богун своей жестокостью (однажды на глазах у девушки он зарубил человека) отталкивает Елену Курцевич от себя, Ян Скшетуский покоряет ее сердце своим благородством: он заступает за девушку перед ее опекуной, а затем защищает доброе имя отца Елены, которого опекуна попыталась очернить. Наконец, прилагая немалые усилия, он разыскивает невесту, спрятанную Богун, и освобождает ее.

Страницы романа, посвященные Яну Скшетускому, дают также основание утверждать, что в форме полемики с «Тарасом Бульбой» Н. В. Гоголя они передают авторскую мысль и о том, что реализация личного счастья не только не противоречит общественному началу в судьбе героя, но и находится с ним в состоянии гармонии. Ведь поиски и в конце концов обретение Скшетуским личного счастья не мешают ему в передаче автора достойно выполнять свой патриотический долг перед Речью Посполитой. В то же время судьбой друзей героя – Лонгинуса Подбипятки, который погибает, так и не успев устроить свою личную жизнь, и отчасти Михала Володыёвского Сенкевич, думается, хотел сказать, что реализация личного начала, а тем более его гармония с общественным, дается далеко не каждому в силу разных причин. Поэтому судьба Яна Скшетуского – это наиболее благополучный, хотя и далеко не распространенный вариант решения данной проблемы в условиях изображенной автором исторической эпохи. Такое выражение писателем мысли, на наш взгляд, придает ей отнюдь не благостный, идиллический, а скорее всего драматический характер звучания.

Представление о традициях повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в романе Г. Сенкевича «Огнем и мечом» будет неполным, если обойти вниманием такую особенность обоих произведений, как передача в поведении персонажей, отражающих авторские эстетические идеалы, негативных моментов. Причем именно эти персонажи становятся инициаторами таких действий, которые в описываемых событиях приобретают массовый характер. Скажем, в повести Гоголя упоминается о том, как, выполняя приказы кошевого атамана Кирдяги и Тараса Бульбы, казаки чинят расправу над мирным польским и еврейским населением. Неудивительно поэтому, что если в советские времена эти страницы произведения Гоголя стыдливо замалчивались, то в наши дни у некоторых читателей возникает сомнение, а стоит ли вообще «Тараса Бульбу» изучать в школе и может ли главный герой повести быть образцом для подражания? [10]. Аналогичное изображение жестокости, но уже со стороны польской шляхты по отношению к украинскому населению можно найти в романе Г. Сенкевича. Таков, например, эпизод казни украинского атамана Сухорука по приказу польского военачальника Иеремии Вишневецкого, образ которого по замыслу писателя также отражает его эстетический идеал. Казалось бы, изображение такого поведения персонажей обоих произведений даже в принципе несовместимо с представлением об эстетическом идеале и поэтому может свидетельствовать лишь об отступлении авторов при создании образов своих героев от первоначального замысла. Представляется, однако, более верным говорить о том, что персонажи как повести Гоголя, так и романа Сенкевича, передают такую особенность авторских эстетических идеалов, как их исторический характер. Раскрывая негативные моменты в поведении своих героев, писатели дают понять, что в описываемую ими историческую эпоху их проявление, в частности жестокость, при решении каких-то социальных конфликтов воспринималось как нечто обыденное, естественное даже лучшими представителями того времени.

С учетом сказанного можно утверждать, что гоголевские традиции в романе Сенкевича, с одной стороны, проявились в аналогичном гоголевской повести изображении поведения людей одной и той же исторической эпохи – их ожесточенности, использовании насилия как средства разрешения спорных вопросов. С другой стороны, они дают о себе знать и в виде полемики польского писателя с Гоголем, поскольку проявление негативных качеств Сенкевич приписывает в первую очередь украинскому казачеству, выступившему против Речи Посполитой. Когда же он показывает их проявление у представителей польской шляхты, то всячески дает понять, что у них – это ответная и вынужденная реакция. Более того, даже в такой ситуации Сенкевич пытается представить своих героев в выигрышном свете. Скажем, вслед за описанием казни украинского атамана Сухорука автор рассказывает о молодом польском гусаре, который самовольно, в нарушение приказа Иере-

мии Вишневецкого, прекращает страдания казака. Узнав об этом, проявляет великодушие и польский военачальник. Он не наказывает, как следовало бы ему поступить, а награждает гусара за проявленное милосердие, не преминув, однако, при этом заметить: «Ой, наглядишься ты на их дела (украинских казаков – С.Ш.) и от зрелищ этих сострадание от тебя, как ангел, отлетит» [7, II, с. 231].

Однако и в повести Гоголя проявление жестокости украинским казачеством объясняется точно так же, т.е. ответной реакцией на социальное и национальное угнетение со стороны польской шляхты в Речи Посполитой. И поскольку оба писателя изобразили в своих произведениях одно и то же историческое время, а в нем противостояние одних и тех же национально-исторических сил, и каждый из авторов, как можно судить по произведениям, отстаивал интересы одной из противоборствующих сторон, то теоретически имела право на существование позиция каждого из них. С точки же зрения ее соответствия исторической правде оправдание имела лишь одна из них. Время показало правоту суждений Н.В. Гоголя об исторических событиях, отраженных в «Тарасе Бульбе». Тенденциозность, историческую ложность позиции польского писателя при изображении им украинско-польского конфликта эпохи Средневековья убедительно подтвердили не только современные исследователи творчества Сенкевича и описанной им исторической эпохи [5, с. 85-109; 11, с. 159-177], но даже некоторые из его современников-соотечественников. Так, в частности, Б. Прус «осуждал его за искажение исторической действительности, идеализацию кровавой магнатской политики на Украине и несправедливость по отношению к казачеству» (5, с.71). В таком случае полемика Сенкевича с Гоголем при передаче жестокости персонажей, отражающих черты авторского эстетического идеала, казалось бы, должна была свидетельствовать не об использовании польским писателем художественного опыта Гоголя, а о его опровержении. Ведь полемика Сенкевича, как уже говорилось, основывалась на иной, хотя и заведомо ошибочной трактовке исторических событий. Конечно, это, в свою очередь, должно было бы привести и привело к снижению художественности его романа. Скажем, явно художественно неубедительным в нем выглядит образ Иеремии Вишневецкого, в облике которого автор также попытался отразить свое представление об эстетическом идеале. И произошло это потому, что прототип этого персонажа, князь Иеремия Вишневецкий как историческая личность, по мнению Б. Пруса, был одним «из худших пасынков Речи Посполитой» [5, с. 71].

И все же художественность романа Сенкевича, хотя и с определенными ее потерями, как, скажем, в случае с изображением Вишневецкого,

сохраняется. Как считает И. К. Горский, и его суждения кажутся нам убедительными, это происходит не только за счет красоты формы произведения во всех элементах ее проявления, но также и потому, что его содержание раскрывает, хотя и частично, историческую правду. А она заключалась в передаче автором соответствия изображенных событий исторической эпохи «превратным представлениям о них польского рыцарства» [5, с. 107], которые разделял и сам Сенкевич. Согласно им «победа Речи Посполитой в минувшей битве (над украинским народом – С.Ш.) была в интересах обеих наций – и поляков, и украинцев» [5, с. 107]. Этим представлениям польского рыцарства писатель сумел найти соответствующую форму воплощения, которая проявилась в затушевывании своекорыстных, реальных побуждений его борьбы и выделении лишь некоторых, по преимуществу рыцарских черт, которыми шляхта выгодно выделялась от других сословий, в частности, изображением их как борцов за патриотическую идею. Поэтому, возвращаясь к затронутой нами проблеме – гоголевских традиций в романе Сенкевича в сфере эстетического идеала, – следует признать, что даже тогда, когда польский писатель полемизировал с Гоголем, объясняя и оправдывая жестокость по отношению к украинцам со стороны тех представителей польского государства, личности которых в романе он наделяет чертами своего эстетического идеала (например, Иеремия Вишневецкий), то она проявляется в произведении лишь частично. Применительно же к его вымышленным положительным героям (Скшетускому, Подбиятке, Володыёвскому) эту полемику следует воспринимать не как опровержение, а как творческое усвоение Сенкевичем художественного опыта «Тараса Бульбы» Гоголя. Полемизируя с Гоголем, Сенкевич в условиях туманно очерченных им причин войны шляхты с казаками на примере своих любимых героев, раскрытых главным образом в положительных общечеловеческих качествах, утверждал тем самым привлекательность и оправданность своего эстетического идеала.***

Таким образом, изучение, как в романе Г. Сенкевича «Огнем и мечом» проявился художественный опыт «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя в сфере воплощения эстетического идеала, позволяет сделать вывод, что он дал о себе знать достаточно ощутимо и многообразно. И если наши наблюдения не лишены основания, то можно утверждать, что, далеко не исчерпывая своеобразие художественного мира польского писателя, каким он предстал в первом историческом романе его знаменитой трилогии, обращение Г. Сенкевича к традициям произведения Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» оказалось, несомненно, плодотворным.

* Имеется в виду вторая редакция повести, 1842 года.

** Мы исходим из понимания этой эстетической категории, согласно которому «в эстетическом идеале в концентрированной конкретно-чувственной форме выражаются прогрессивные тенденции общественного развития, представления о совершенном человеке и совершенном обществе» [4, с. 336].

*** Подтверждением сказанному может служить и то, что писатель не показывает участия в карательных акциях против мирного населения трех своих любимых героев. Свои рыцарские качества в изображении писателя они предпочитают проявлять в открытом бою, лицом к лицу с противником.

Литература

1. Цыбенко Е. З. Из истории польско-русских литературных связей XIX – XX в.в. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 280 с.
2. Бялокозович Б. Родственность, преемственность, современность: о польско-русских и польско-советских литературных связях / Базылий Бялокозович. – М.: Радуга, 1988. – 352 с.
3. Шошура С. Н. Сенкевич и Гоголь (к вопросу творческой переключки) // Література та культура Полісся. – Випуск 12: Творча спадщина М.Гоголя (до 190-ліття від дня народження). – Ніжин, 1999. – С. 210-212.
4. Яковлев Е. Г. Эстетика. – М.: Гардарики, 2004. – 464 с.
5. Горский И. К. Исторический роман Сенкевича. – М.: Наука, 1966. – 307 с.
6. История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1980-1983.
7. Сенкевич Г. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1983-1985.
8. Вайль П., Генис А. Родная речь: уроки изящной словесности / Петр Вайль, Александр Генис. – М.: Колибри, 2008. – 256с.
9. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1966-1967.
10. Матвеева Людмила. Может ли Тарас Бульба быть героем нашего времени? // «2000». – 2005. – 8 июля.
11. Субтельний О. Україна: історія / Орест Субтельний. – К.: Либідь, 1993. – 718 с.

Шошура Станіслав Миколайович – канд. філол. наук, доцент кафедри методики викладання іноземних мов і зарубіжної літератури Миколаївського державного університету ім. В. О. Сухомлинського.